

Райан был обеспокоен. Оливия почти не разговаривала в эти дни; все, что она делала, это слонялась по дому, как призрак, механически ухаживая за Джеком и молча сидя с ним за едой, почти не комментируя ничего из того, что он говорил. Он неоднократно спрашивал ее, что случилось, но в ответ получал лишь рассеянное "ничего, я в порядке...".

Трудно сказать, когда именно между ними начались проблемы; примерно через три месяца после рождения Джека, когда давление на работе стало нарастать, когда он нуждался в ней больше всего, Оливия, казалось, начала отдаляться от него; до рождения Джека Оливия была самой обычной: теплой, остроумной, веселой, заботливой, интересующейся им, его днем, всем, что с ним связано.

После родов, хотя она снова казалась прежней, она постепенно стала более замкнутой, молчаливой, ей было почти некомфортно в его присутствии, она проводила все свое время либо ухаживая за Джеком, либо почти постоянно тренируясь в спортзале в подвале комплекса, где они жили; по какой-то причине она стала почти одержима идеей сбросить и без того незначительный детский вес, который она набрала.

Еще больше Райана беспокоил тот факт, что ее либидо, казалось, сошло на нет; у них был невероятный, взаимно удовлетворяющий секс почти до того момента, как ее привезли в родильную палату, но после восьминедельного периода, предписанного акушером, хотя вначале она была такой же восприимчивой и восторженной, как и раньше, это начало сходило на нет, ежедневные встречи постепенно сократились до еженедельных, затем ежемесячных, и, наконец, ничего не происходило уже несколько месяцев. Любые его попытки были отвергнуты, вежливо, но твердо; она устала, она была занята, у нее было много забот. Много причин, хороших причин, но все они сводились к одному: его Ливви больше не хотела его, и он не мог понять, почему.

Прошел год со дня рождения Джека, и для Райана он стал *annus horribilis*, когда он наблюдал, как Оливия, его Ливви, любовь всей его жизни, медленно, но верно отдаляется от него, и он не знал почему...

Этот вечер был тому примером. Он пришел с работы и обнял ее, чтобы поцеловать, но она отвернулась и отошла от него, избегая его попыток поцеловать ее в щеку и давая понять, что не хочет, чтобы он прикасался к ней. Озадаченный, обиженный, расстроенный, Райан в кои-то веки потерял самообладание и взял ее за запястья, притянув ее к себе.

"Что, что я сделал? Если ты скажешь мне, что я сделала, возможно, я смогу все исправить! Почему ты так запираешь меня? Что я натворила? Ливви, я люблю тебя больше всего на свете, всегда любил, почему ты меня так отталкиваешь?".

Ливви смотрела мимо него, отказываясь встретиться с ним глазами, ее губы дрожали, и Райан подумал, даже в момент обиды и разочарования, что он никогда не видел ее более красивой или более желанной.

"Ничего, ничего..." прошептала она, и Райан порывисто вздохнул, не ослабляя своей хватки на

ее запястьях.

"Это что-то, малышка, что-то не так, очень не так; ты игнорируешь меня, ты бродишь вокруг, как призрак, ты почти не разговариваешь со мной. Что случилось, Ливви? Ты убиваешь нас, Ливви, ты отталкиваешь меня и вычеркиваешь из своей жизни. Что я сделал тебе такого плохого, что ты должна бросить все, что у нас было? Если ты хочешь, чтобы я ушла, я уйду. Ты этого хочешь? Потому что я больше не знаю, кто ты, а тебе, похоже, все равно, есть я или нет".

Глаза Оливии встретились с его глазами, в них промелькнула потерянности и кратковременная искра гнева, после чего выражение ее лица превратилось в маску без выражения, которую он так часто видел в последнее время.

"Нет, нет, Рай, не говори так! Я не могу объяснить, ты не поймешь, я просто не могу... я не могу..."

"Что не могу, Ливви?" - мягко спросил он.

"Я не могу принять все это... все это, ребенок, наша жизнь, я всегда одна. Тебя никогда нет рядом. Твоя работа - это все, что тебе нужно, а я тебе больше не нужна. Ты говоришь, что любишь меня, но я смотрю в твои глаза и вижу, что ты лжешь! Что с тобой случилось, Райан? Что случилось с нами? Это потому что я уродливая и толстая, и теперь я тебе не нужна, потому что ты получил то, что всегда хотел, так что ты покончил со мной, да? Я старалась выглядеть хорошо для тебя, я делала все, что могла, чтобы ты увидел меня, но ты не видел, меня как будто и не было, ты даже не замечал меня, ты игнорировал меня, потому что я знаю, что ты скоро бросишь меня. Почему ты даже не можешь быть честным со мной? Я думала, что заслужила хотя бы это!"

Райан потрясенно смотрел на нее, когда она сломалась, наконец-то начиная понимать, что все это время крутилось у нее в голове, что заставляло ее отстраняться и отдаляться от него. Это было серьезно; он должен был действовать осторожно. Он притянул ее к себе, положив руки по обе стороны ее лица, удерживая ее в неподвижном состоянии, глядя ей в глаза.

"Оливия Грэйинн Маклеод, я никогда, никогда не солгу тебе. В этом мире мне нужна только одна вещь, и это ты; ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. Каждый раз, когда я вижу тебя, у меня перехватывает дыхание, и все, о чем я могу думать утром и ночью, - это ты".

Он погладил ее по щеке, его сердце затрепетало от мягкой, шелковистой гладкости.

"Я хочу лежать рядом с тобой, обнимать тебя и целовать до конца наших дней, я хочу заниматься с тобой любовью при каждом удобном случае, я хочу делать в тебе детей до тех пор, пока ты будешь иметь меня. Все, чего я хочу, Ливви, малышка, - это ты. Всегда помни, что единственной девушкой для меня всегда была ты, и никто другой, и теперь у меня есть ты, и орды Ада не смогут оттащить меня от тебя!"

Ливви посмотрела ему в глаза, и две крупные слезы, набравшись сил, покатались по ее щекам.

"Я не верю тебе Райан, я не верю тебе и не доверяю тебе!" - прошептала она. "Однажды скоро ты сделаешь то, что, я знаю, ты хочешь сделать, ты уйдешь, а как же я, как же Джек, как же все, что ты мне обещал? Когда-то ты говорил серьезно. Я верил тебе и всему, что ты говорил о нас, но теперь я смотрю на тебя и чувствую только страх; каждую ночь я боюсь, что именно в эту ночь ты придешь домой и скажешь мне, что с тобой покончено, что между нами все кончено, что ты оставляешь нас ни с чем, и я ничего не могу сделать, чтобы остановить тебя. Пожалуйста, скажи мне правду, Райан; ты говорил мне правду, когда-то, давным-давно, когда у тебя еще было время для меня и для тебя...".

Сердце Райана разрывалось от страха и боли, которые он слышал в ее голосе.

"Чего бы это ни стоило, что бы это ни было, мы найдем, как победить эту штуку; я так люблю тебя, Ливви, ты нужна мне; ты - мой мир, ты всегда будешь им, и ты нужна мне рядом со мной".

Он обнял ее, прижав к себе, ее тело было жестким и неподатливым, ее руки цеплялись за его спину, как утопающий за спасательный круг, и он чувствовал дрожь в ее теле, когда она беззвучно плакала. Райан провел рукой по ее волосам, наслаждаясь шелковистой гривой волос, которая когда-то была ее гордостью и радостью, а другой рукой прижал ее к себе, расстояние, которое выросло между ними, отдавалось эхом и звенело от ее боли и чувства покинутости.

Наконец, Ливви отстранилась от него, почти вырвавшись из его рук, пряча лицо, но Райан этого не допустил, вместо этого он мягко притянул ее лицо к своему и промокнул глаза носовым платком.

"Нет, Рай, я выгляжу ужасно, не смотри на меня...", - запротестовала она, но Райан мягко улыбнулся и продолжил вытирать глаза. Даже с покрасневшими и опухшими от слез глазами, она все равно была самой красивой девушкой, которую он когда-либо видел. Когда он прижал ее к себе, рука, обхватившая ее талию, соскользнула вниз и легла на ее упругую округлую ягодицу. Глаза Ливви расширились, когда он непроизвольно сжал ее, и тут же убрал руку.

"Прости... прости, я не хотел...", - заикнулся он, но Оливия улыбнулась ему, впервые за последние месяцы искренне.

"Все... хорошо, Рай, это было... приятно, почти как будто ты снова хотел этого!" - пробормотала она, ее потрясающие зелено-лазурные глаза на долю секунды утратили свою тусклость, прежде чем в них снова поселились потеря и поражение. Райан смотрел в ее глаза, не видя в них ни веры в него, ни следа жизни и блеска, которые когда-то хранили для него эти прекрасные глаза, и в его желудке поселилась тоска: она уже выписалась, теперь он это ясно видел; она заставила себя поверить, что он покончил с ней, а теперь она заставляла себя поверить, что покончила с ним.

В ту ночь они не предприняли никаких попыток к дальнейшей близости, хотя он и прижимал ее к себе; Райан видел, что она больше не способна отвечать ему тем же, и если затягивать с

этим дальше, это может оттолкнуть ее еще дальше, и он никогда не сможет восстановить то
немногое, что у него было.

<http://erolate.com/book/1050/26124>